

А

С. А. Толстая

Дневник (1910)

Дневники в двух томах. Том второй. Дневники 1901-1910. Ежедневники
Серия литературных мемуаров. М., "Художественная литература", 1978
OCR Ловецкая Т.Ю.

26 июня¹. Лев Николаевич, муж мой, отдал все свои дневники с 1900 года Вл. Гр. Черткову и начал писать новую тетрадь там же², в гостях у Черткова, куда ездил гостить с 12-го июня. В том дневнике, который он начал писать у Черткова, который он дал мне прочесть, между прочим сказано: "Хочу бороться с Соней добром и любовью"³. Бороться?! С чем бороться, когда я его так горячо и сильно люблю, когда одна моя мысль, одна забота -- чтоб ему было хорошо. Но ему перед Чертковым и перед будущими поколениями, которые будут читать его дневники, нужно выставить себя несчастным и великодушно-добрым, *борющимся* с мнимым каким-то злом.

Жизнь моя с Льв. Ник. делается со дня на день невыносимее из-за бессердечия и жестокости по отношению ко мне. И все это постепенно и очень последовательно сделано Чертковым. Он всячески забрал в руки несчастного старика, он разлучил нас, он убил художественную искру в Л. Н. и разжег осуждение, ненависть, отрицание, которые чувствуются в статьях Л. Н. последних лет, на которые его подбивал его глупый злой гений.

Да, если верить в дьявола, то в Черткове он воплотился и разбил нашу жизнь.

Все эти дни я больна. Жизнь меня утомила, измучила, я устала от трудов самых разнообразных; живу одиноко, без помощи, без любви, молю бога о смерти; вероятно, она не далека. Как умный человек, Лев Никол, знал способ, как от меня избавиться, и с помощью своего друга -- Черткова убивал меня постепенно, и теперь скоро мне конец.

Заболела я внезапно. Жила одна с Варварой Михайловной в Ясной Поляне, Лев Никол., Саша и вся свита: доктор, секретарь и лакей -- уехали в Мещерское к Чертковым. Для Сашиного здоровья после ее болезни, для чистоты и уничтожения пыли и заразы, меня вынудили в доме все красить и исправлять полы. Я наняла всяких рабочих и сама таскала мебель, картины, вещи с помощью доброй Варвары Михайловны. Было и много и корректур, и хозяйственных дел. Все это меня утомило ужасно, разлука с Л. Н. стала тяжела, и со мной сделался нервный припадок, настолько сильный, что Варвара Михайловна послала Льву Никол, телеграмму: "Сильный нервный припадок, пульс больше ста, лежит, плачет, бессонница"⁴. На эту телеграмму он написал в дневнике: "Получил телеграмму из Ясной. Тяжело"⁵. И не ответил ни слова и, конечно, не поехал.

К вечеру мне стало настолько дурно, что от спазм в сердце, головной боли и невыносимого какого-то отчаяния я вся тряслась, зубы стучали, рыдания и спазмы душили горло. Я думала, что я умираю. В жизни моей не помню более тяжелого состояния души. Я испугалась и, как бы спасаясь от чего-то, естественно бросилась за помощью к любимому человеку и вторично ему телеграфировала уже сама: "Умоляю приехать завтра, 23-го"⁶. Утром 23-го вместо того, чтоб приехать с поездом, выходящим в 11 часов утра, и помочь мне, была прислана телеграмма: "Удобнее приехать 24-го утром, если необходимо, приедем ночным"⁷.

В слове *удобнее* я почувствовала стиль жесткосердого, холодного деспота Черткова. Состояние моего отчаяния, нервности и более в сердце и голове дошло до последних пределов.

У Чертковых все разочли, что я не могу успеть и получить, и ответить телеграммой, но я тоже разочла и предвидела их хитрость, и мы послали телеграмму от имени Варвары Михайловны: "Думаю необходимо", но не простой, а *срочной*.

А в то время приехал к Чертковым скрипач Эрденко с женой. Разумеется, Чертков внушил Льву Никол., что неловко уезжать, и, конечно, не высказал, но подвел так, что скрипач, конечно, важней больной жены, и задержал Л. Н. А он и рад хоть лишнее утро побыть еще с своим обожаемым, красивым идолом.

Вечером, 23-го, Лев Ник. -- с своим хвостом -- вернулся недовольный и не ласковый. Насколько я считаю Черткова нашим *разлучником*, настолько Лев Ник. и Чертков считают *разлучницей* меня.

Произошло тяжелое объяснение, я высказала все, что у меня было на душе. Сгорбленный, жалкий сидел Лев Ник. на табуретке и почти все время молчал. И что мог бы он мне сказать? Минутами мне было ужасно жаль его. Если я не отравилась эти дни, то только потому, что я *трусиха*. Причин много, и надеюсь, что господь меня приберет и без греховного самоубийства.

А